

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТАРЫХ,
АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ
ИНСТИТУТЫНЫҢ
ИШЛЕРИ

VI т.

Этнография сериясы

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

Ашгабат 1962

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

т. VI

Серия этнографическая

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕНСКОЙ ССР

Ашхабад 1962

АННАДУРДЫ ОРАЗОВ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СКОТОВОДЧЕСКОГО
ХОЗЯЙСТВА В СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ
В КОНЦЕ XIX—НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Прибалханские районы — Северо-Западная Туркмения — занимают значительную часть территории Западного Туркменистана, где горы граничат с равнинами и бескрайними песками пустыни. В географическом отношении Прибалханье разделяется на два крупных подрайона: на Большие Балханы и территорию, прилегающую к ст. Казанджик. Первый включает горный кряж и пустынную равнину, расположенную вокруг Балханских гор, к северу от ст. Джебел до южных пределов Хивинского оазиса. На востоке его границей служит колодец Аджикуи. В его пределах находится группа колодцев: Чагыл, Коймат, Гок-Дере и др. Второй район лежит восточнее, с юга он ограничен горами Кюрен-Даг, а с севера — колодцами по руслу старого Узбоя (Джамал, Тоголок и др.). На востоке его граница проходит недалеко от Кизыл-Арвата.

Основным занятием населения прибалханских районов в XIX в., как и позднее, было скотоводство. Ведущую роль в хозяйстве играли такие отрасли скотоводства, как овцеводство и верблюдоводство. Заготовка корма на зиму не практиковалась, и скот содержался круглый год на пастбищах. Земледелие в экономике населения имело лишь подсобное значение. Ведение скотоводческого хозяйства в Прибалханье, ввиду специфики его природных условий, несколько отличалось от других кочевых районов Средней Азии и Казахстана.

Настоящая статья написана на основе полевых данных, собранных на месте, в составе этнографической экспедиции

Института истории, археологии и этнографии АН ТССР и МГУ в 1957—1959 гг.¹ Фактический материал почерпнут у старожилов-информаторов. При написании статьи привлечена также литература² и архивные данные.

Прибалханские районы в XIX веке были населены главным образом туркменами-иомудами: ак-атабаями и джафар-баями, а также мелкими группами туркмен—ата, ходжа, ших и т. д. Вокруг Казанджика жили иомуды-ак-атабайцы, в остальных местах население было смешанное. Ходжа и шихи, жившие среди иомудов, издавна включались в их состав. Население указанных районов не отличалось друг от друга по характеру и способу ведения хозяйства. Однако в системах их перекочевки существовали некоторые различия, объясняющиеся своеобразием местной природно-географической среды.

Наиболее распространенной формой скотоводства в Прибалханье в конце XIX — начале XX в. было кочевое, основанное на пастбищном содержании скота в течение всего года. Постоянные перекочевки с одного места на другое производились в поисках главным образом новых выгонов и пастбищ. Это было типичное экстенсивное скотоводство, всецело зависевшее от капризов суровой природы.

В XIX в. в прибалханских районах Туркменистана, наряду со скотоводческими областями, существовали и отдельные поселения оседлого и полuosедлого типа. В этой связи уместно привести характеристику, сделанную одним дореволюционным автором, который писал, что «Туркмен, населяющих Закаспийскую область, нельзя назвать ни вполне кочевыми, ни вполне оседлыми»³.

Земледелием занималась лишь часть жителей Прибалханья, совмещавшая его со скотоводством. Это были, те, которые владели землей и водой у источников и кяризов. Такие участки имелись, например, возле современных селений—Кяризов I и II, Даната, Узун-Су и др.,—расположенных возле гор. На время зимовок они нередко оставляли в ауле для присмотра за посевами одного или нескольких членов семьи. Практиковалась также сдача земли безземельным в аренду.

Кочевники пасли свой скот в пустынно-равнинных степях, изредка на горных пастбищах, перекочевывая в разные сезоны года с одного места на другое. Пастбища, в зависимости от характера их расположения, наличия подножного кор-

¹ Полевые записи за 1957—1958 гг. хранятся на кафедре этнографии МГУ.

² Г. Е. Марков. Скотоводческое хозяйство и общественная организация северобалханских туркмен в конце XIX в. «Вестник Московского университета», № 4, 1958.

³ К. М. Федоров. Закаспийская область. Асхабад, 1901, стр. 27.

ма, делились на горные, степные, пустынные и пастбища на кырах, которые использовались скотоводами в зависимости от времени года.

Летом и осенью (июнь—ноябрь) кочевники находились обычно на летних пастбищах (яйлаг), расположенных вокруг главных источников (колодцев, кяризов и родников). Обычно здесь собиралось множество скотоводческих хозяйств, образующих большие аулы (оба). В каждом ауле были свои старшины (яшули), следившие за общественным порядком. Им, как правило, предоставлялось право разрешать споры и тяжбы, по их же указанию совершались перекочевки с одного места на другое.

Зимой, с наступлением холодов с сильными северо-восточными ветрами, невозможно было оставаться на яйлагах. К зиме здесь кончалась трава и нечем было кормить скот. Поэтому кочевники-скотоводы вместе со своим скотом уходили на зимние пастбища (гышлаг) обычно в горные долины или в пески, где было теплее, меньше ветра, а также достаточно травы для скота и дров для топлива.

Прибалханские туркмены конца XIX — начала XX в. имели свои освященные определенной традицией места кочевания. Каждое крупное племенное подразделение имело свои летовки и зимовки. Летовки иомудов, атабайцев и джафарбайцев, например, располагались обычно у селений Кяриз I и Кяриз II. Атабайцы зимовали в районе колодцев Кошагыр, Порсу и др. Иногда они перекочевывали на зиму еще дальше, к северу, в пески. Джафарбайцы же уходили на зиму за Джебел, к колодцам Кучек, Мамет-Таган, Карадурун и др. Однако в Прибалханье были и такие пастбища, которые использовались круглый год, причем они служили летовками для одних и зимовками для других групп кочевников. В Кошагыре, например, летом жили скотоводы из племени ходжа, которые зимой перекочевывали на север, в пески, к колодцам Худайберды, Тезекуи и Аджикуи. Сюда же приходили зимовать и кочевники из других аулов.

Весной (март—май), с наступлением теплой погоды, скот перегоняли на равнину—весенние пастбища (язлаг), покрывающиеся зеленой растительностью — сочными, свежими травами и мелкими кустарниками. Длительность выпаса скота на язлагах зависела от трав и состояния погоды. Как только засыхали травы, скотоводы перекочевывали на свои летние пастбища — яйлаги. Каждый год повторялся примерно тот же самый порядок перекочевки.

Летом большое количество скотоводческих хозяйств собиралось на Северобалханской равнине, имеющей ширину 20—40 км, ограниченной с севера песками Чильмамед. Здесь

главными источниками воды служили колодцы и естественные водоемы (хауз, по-текински—как) на такырах и кырах. Расстояние между колодцами равнялось в среднем 15—40 км.

В конце XIX в. зажиточные скотоводы Больших Балханов и прилегающих к ним районов имели обширную область кочевания, лежавшую между колодцами Чагыл, Коймат и другими на севере и реками Атрек и Гурген на юге. Большую часть года они кочевали в пределах этого района и лишь к зиме уходили далеко на юг, к Атреку и Гургену, где теплее зима и больше корма для скота. Район колодцев Чагыл, Гокдере, Коймат и других был населен зажиточными скотоводами из племени иомудов. Скотоводство, в частности верблюдоводство, было развито здесь гораздо больше, чем в остальных районах Западной Туркмении. Это объясняется тем, что здесь были самые лучшие пастбища для скота, богатые подножным кормом, в частности такими видами трав, как «кевреик», «титр» и другие, которые служат отличным кормом для верблюдов. Кроме того, сюда ввиду крайней отдаленности от остальных скотоводческих центров приходило мало кочевников. Бедняки и маломощные скотоводы вообще не в силах были добраться со своим скотом до указанных мест, так как у них не было нужного количества выючных животных. Скотоводы, кочевавшие возле колодцев Чагыл, Коймат и других, были экономически связаны с Хивой. В то же время, живя в отдалении от своих соплеменников, кочевавших у Балхан, Кюрен-Дага и по Узбою, они поддерживали с ними прочные связи: участвовали в праздниках и других народных торжествах.

Часть прибалханских туркмен кочевала по Узбою и на пустынно-степной территории к северу от Кюрен-Дага. По Западному Узбою, наряду с колодцами Джамал, Тоголок, имеются пресноводные озера: Ясха, Толятан, Каратегелек и другие, у которых располагались наиболее крупные кочевья туркмен-скотоводов. Кроме того, на Узбое имелось много пресноводных неглубоких колодцев, вырытых скотоводами. Узбой очень богат подножным кормом для скота. На дне его сухого русла растут различные виды трав и камыша, образующие густые заросли. В этом восточном районе зимние пастбища туркмен-скотоводов располагались к югу от Кюрен-Дага. Наиболее богатые скотоводы этого района, включая и приузбойских, на зиму откочевывали на юг к Атреку, а летом возвращались обратно. Скотоводы-бедняки вынуждены были кочевать в небольшом радиусе от местных колодцев.

Кроме перечисленных выше крупных кочевий скотоводов, на рассматриваемой территории были разбросаны сезонные

стоянки кочевников. Располагались они обычно у отдельных колодцев, хаузов и других водных источников, где летом, а иногда и зимой кратковременно останавливались небольшие группы скотоводов. Кочевники оставались здесь лишь до тех пор, пока не кончалась вода в источнике.

Перекочевка у прибалханских туркмен XIX — начала XX в. производилась не в одиночку, а небольшими группами (оба), состоявшими главным образом из родственных семейств одного и того же племенного подразделения (тире). Это делалось для того, чтобы помогать друг другу при выпасе скота, перекочевках, при рытье и чистке колодцев и т. д. Кроме того, это вызывалось необходимостью отражения грабительских нападений.

Перекочевки в Прибалханах в отличие от высокогорных районов Средней Азии и Казахстана совершались по горизонтали: зимой на юг, в сторону рек Атрека и Гургена, а летом обратно, на север. Скотоводами, жившими летом в предгорьях Больших Балханов и Кюрен-Дага, практиковалось изредка вертикальное кочевание. Летом они пасли свой скот обычно на горах, к зиме же спускались вниз, на равнину.

Скотоводы совершали сезонные перекочевки в определенные, заранее намечаемые места. Кочевники-скотоводы, где бы они не находились зимой, летом обязательно возвращались на свои летние пастбища. Такой порядок перекочевок объяснялся прежде всего малым количеством источников водопоя скота. Поэтому каждый кочевник со своим скотом вынужден был летом возвращаться к своим колодцам, иначе ему негде было поить свой скот. В прибалханских районах колодцы имели различную глубину в зависимости от уровня залегания грунтовой воды. Колодцы, расположенные вдоль песков и в пустыне, гораздо глубже, чем в предгорной полосе и на Узбое, где водоносный слой лежит ближе к поверхности земли. Колодцы по Узбою отличались от других районов Прибалханья неглубоким залеганием подземных вод и их хорошим качеством. Глубина колодцев в среднем была 10—15—20 сажен (кулач), а в некоторых местах она достигала еще большей глубины. Глубокие колодцы, выложенные внутри саксаулом или камнями, сооружались специальными мастерами по строительству колодцев и кяризов. Это были главным образом иранцы, курды и отчасти туркмены-текинцы.

Возле колодцев устраивалось водопойное корыто, сделанное из камня (позднее из цемента). В отличие от некоторых других районов Туркмении колодцы не имели здесь водоналивного бассейна и каких-либо других дополнительных сооружений. Так, по описанию Г. Костина, колодцы Мервско-

го оазиса имели рядом водоналивной бассейн, который был изготовлен из обмазанного глиной хвороста, а иногда и из цемента. Бассейн был соединен с водопойным корытом посредством железной или деревянной трубы. Удобство его заключалось в том, что он наполнялся водой из колодца задолго до прихода стада. Когда стадо приходило на водопой, труба открывалась, и вода из бассейна начинала поступать в водопойное корыто¹. Таким образом, животным не приходилось ждать каждого ведра воды, как это было у скотоводов Прибалханья. Большинство колодцев Прибалханья существовало издавна, еще до занятия этой территории номудами. Они принадлежали жившим здесь ранее туркменам из племени ата, издавна населявшим Западную часть Туркмении. Об этом свидетельствуют названия некоторых колодцев и местностей (например, колодцы: Гезли-ата, Кемал-ата, Огланлы-ата, Дан-ата и т. д. В большинстве колодцев вода была соленоватой и горько-соленой и годилась только для скота. Пресные колодцы имелись в незначительном количестве главным образом при аулах-яйлагах. Колодец с пресной водой имелся, например, в Огланлы, на самом краю этого селения. Были и такие аулы, в которых не было ни одного пресного колодца; жители таких селений привозили питьевую воду из соседних аулов. Так, например, в Оюклы воду привозили из Аккуи, а в Аджикуи — из колодца Даната, расположенного у подножья Больших Балхан.

В начале XX в. часть колодцев находилась в общинном пользовании, а часть принадлежала отдельным лицам. Нередко колодцами владели небольшие группы людей из родственных или неродственных семей, но одного и того же племенного подразделения (тире). По древнему обычаю, нельзя было никого лишать права пользоваться водой колодца. По народным представлениям, чем больше брали воды из колодца, тем лучше он становился. Пользование «чужаками» водой из колодцев рассматривалось как богоугодное дело (согап). Но если воды в колодце становилось мало и ее не хватало для скота хозяина, то чужим не разрешалось поить свой скот.

Вплоть до Октябрьской революции колодцы для зажиточных скотоводов рыли специальные мастера и рабочие. По обычаю, им помогали родные и знакомые соорудившего колодец, который брал на себя все расходы по его строительству: он платил за труд мастерам и устраивал угощение для участвовавших в рытье колодца людей. С завершением стро-

¹ Г. Костин. Из жизни кочевий Мервского округа. «Туркменоведение», № 2, 1928, стр. 50, 51.

ительных работ он становился владельцем нового колодца, который носил его имя. Владелец колодца, как правило, пользовался большим уважением среди своих одноаульцев. Более бедные скотоводы рыли колодцы на коллективных началах. Средства на строительство такого колодца поровну вносились всеми его будущими владельцами. Работы по сооружению колодца возглавлял руководитель объединения, называемого «муштек»¹. Он устраивал угощение для всех участвовавших в этих работах людей, и новый колодец обычно называли его именем. Все пайщики пользовались таким колодцем на равных началах. Право пользования колодцем сохранялось за ними даже тогда, когда такое объединение распадалось по каким-либо причинам. Были и такие люди, которые сооружали колодец или хауз на свои собственные средства в благотворительных целях («хаир согап учин»). Эти люди разрешали пользоваться колодцем всем, кто хотел, но такие случаи были очень редки.

По старым обычаям, частными колодцами могли пользоваться и посторонние скотоводы. В конце XIX в. на таких колодцах первым поил свой скот его владелец, затем его родные и близкие. После этого могли поить свой скот и посторонние люди, по очереди. Очередность водопоя строго соблюдалась, особенно в летний период, когда все скотоводы могли поить свой скот только из колодцев. Но, по словам информаторов, согласно старинной традиции первым поил свой скот тот, кто раньше приходил на водопой. В этом случае и сам хозяин колодца должен был ждать до тех пор, пока тот не закончит поить свой скот. Но после него владелец колодца мог поить свой скот, не считаясь с теми, которые раньше его пригнали на водопой свое стадо. Практически перед тем, как пользоваться чужим колодцем, владелец стада обязан был попросить разрешения у хозяина колодца (обычно один раз в сезон). Эти обычаи распространялись только на тех, кто жил в данном ауле.

Плату за пользование водой из колодцев формально не брали, но фактически люди, пользовавшиеся чужим колодцем, нередко «помогали» его владельцу. Они участвовали в очистке колодца, помогали при водопое его скота, стрижке овец и других хозяйственных работах, а их жены доили скот, валяли кошмы, чинили кибитки владельца колодца. Все это делалось бесплатно, в форме соседской помощи (ёвар).

В скотоводстве туркмен Прибалханья, как уже говорилось выше, в основном развивались две отрасли: овцеводство и

верблюдоводство. По своему удельному весу и хозяйственному значению овцеводство занимало первое место. Разведение верблюдов, без которых вообще невозможно было бы само существование кочевого скотоводства, стояло на втором месте. Население разводило в основном курдючных овец иомудской породы под названием «далак гоюн». Приатрекские иомуды разводили породу овец, называемую «эрек». В небольшом количестве разводились также козы. Их шерсть использовалась для различных хозяйственно-бытовых нужд. В конце XIX в. курдючные овцы далак (степная) и эрек (горная), выведенные путем метисации персидской иместной пород, разводились иомудами Красноводского уезда. Обе эти породы овец отличались небольшим ростом и шерстью невысокого качества. С каждой овцы получали в среднем по 2—3 фунта шерсти за одну стрижку. Средняя стоимость одного барана была около 3 руб¹.

Местная иомудская порода отличалась от других пород, разводимых в области, своей выносливостью и приспособленностью к климатическим и иным условиям края. Но она была менее доходна и давала продуктов меньше, чем другие породы овец.

По данным «Обзора Закаспийской области за 1890—1894 гг.», продуктивность местных пород курдючных овец по сравнению с другими породами, разводимыми в Закаспийской области, выглядела следующим образом (табл. 1²).

Следует отметить, что скотоводы Прибалханья, несмотря на невысокую продуктивность овец местной породы, предпочитали разводить ее до начала XX в. Это объясняется прежде всего тем, что овцы породы «далак» давали больше молока, чем другие породы. Молоко и молочные продукты, как известно, составляли основу питания скотоводов. Употреблялось и свежее молоко, и заготовленные из него продукты. Кроме местных иомудских пород овец «далак» и «эрек», в пределах Красноводского уезда разводилась казахами так называемая киргизская степная овца, отличавшаяся вкусным мясом и сравнительно крупным курдюком³. Сараджинская и каракульская породы овец появились в прибалханских районах сравнительно недавно. Их завезли из Мерва и Ахала уже после присоединения Закаспийского края к России, в конце XIX в. Иомуды Прибалханья предпочитали разводить свою местную породу еще и потому, что новые породы овец не выносили тяжелых климатических условий края и масса-

¹ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7769, л. 124.

² Там же.

³ Там же.

¹ Об этом же см. ниже.

Таблица 1

Виды пород овец, разводимых в Закаспийской области в XIX в.

Название породы	Вес курдюка (в фунтах)	Вес шерсти с 1 овцы за стрижку (в фунтах)	Стоимость одного пуда шерсти (в рублях)	Стоимость одного барана (в рублях)	Место разведения
Далак (степная) и эрек (горная)	—	2—3	2,5 3,5	около 3	Красноводский уезд
Киргизская степная	до 3	до 5	2,4 2,5	5—7	Красноводский и Мангышлакский уезды
Хорчи	—	—	2,0 2,5	3,5 4,2	Асхабадский и Тедженский уезды
Сарык и аймак	—	—	— 4,5	4,5 2,8	Тедженский и Серахский уезды
Майменская простой степной породы	—	—	—	5	Мервский уезд
Курдючная	до 30	—	—	2,5—4	Мервский уезд
Каракульская	—	—	—	6	Мервский уезд

ми гибли от болезней. Однако со временем они все же вытеснили местную малопродуктивную породу овец.

Овец стригли в году два раза: весной (в конце апреля — начале мая) и осенью (в конце августа — начале сентября), а коз и верблюдов — всего один раз (весной). Во время весенней стрижки овец (яз гыркым) каждое хозяйство обычно стригло скот своими собственными силами. Осенью же стрижку овец (гуыз гырным) производили путем организации «евара», соблюдая строгую очередность. Сначала все вместе стригли скот одного хозяина, затем переходили к другому и т. д. Осеннюю стрижку необходимо было закончить в кратчайший срок, чтобы у овец подросла шерсть до наступления холодной погоды.

На евар приглашались все, кто умел стричь овец в ауле. Плату за работу участники евара не брали, но угощение за это хозяин скота устраивал обязательно. Шерсть собирали каждый со своих овец. При еваре в день стригли в среднем 500—1000 баранов, в зависимости от количества стригаль-

щиков. В еварах, по обычаю, должны были принимать участие все жители аула, независимо от того, имеют ли они скот или нет. Под видом такой взаимопомощи более состоятельные и зажиточные скотоводы эксплуатировали трудящиеся массы — бедных скотоводов. Стрижку овец совершали при помощи специальных железных ножниц (гыркылык), длиной 40—45 см. Их изготовляли обычно местные мастера, а иногда покупали в Хиве.

У скотоводов-кочевников Прибалханья бытовал своеобразный обряд, связанный со стрижкой овец. После окончания стрижки все участники евара мыли в тазу руки, так как считалось, что с грязью рук после стрижки уйдет от хозяина богатство (довлет). Этой водой затем обливали стадо с подветренной стороны. Это делалось для того, чтобы год был влажным и дождливым (гуызесин, ягыш нур болсун). Подобный обычай не зарегистрирован у других туркменских групп, и его можно считать специфическим обрядом местных кочевников-скотоводов.

В Прибалханских степях число овец в одном стаде колебалось от 300 до 600 голов, но в большинстве случаев стадо состояло из 400—500 голов, это было удобно для пастбы и водопоя в условиях круглогодичного пастбищного содержания скота. Так, если в стаде было больше 600 голов, то его разделяли на два, ибо при такой численности часть скота не могла получать достаточно подножного корма, в результате чего овцы худели. Кроме того, чрезмерно большое стадо было неудобно при водопое скота из колодцев. Те, у кого было меньше 300 голов овец, объединялись с другими хозяевами. Объединение скота двух или трех скотоводов в одно стадо получило название «муштек».

Стадо овец, состоящее из 400—500 голов, обслуживалось, как правило, пастухом и подпаском (чолук). Здесь в отличие от Прикопетдагского и Мервского оазисов не было должности сувчи. В роли подпасака обычно был один из членов семьи пастуха, чаще всего его жена. Следует отметить также, что большая часть скотоводов постоянно находилась при своих стадах и помогала пастухам поить скот, строить загоны (зимой) и т. д.

Оплата за труд чабану производилась по сезонам и осуществлялась по договору, заключенному между пастухом и хозяином. Размер оплаты для каждого сезона устанавливался по-разному. Существовало три таких сезона: 6 месяцев (три летних и три осенних), три зимних и три весенних месяца. За первый сезон пастух обычно получал с

15 овец одного ягненка и с 15 коз—козленка, при этом молодняк в счет не брали. Помимо этого, ему давали за каждые 15 голов 2 чанака (большая деревянная миска) муки, а также обеспечивали его одеждой, вьючными животными и другими необходимыми для перекочевки вещами. В тех случаях, когда чабан брал муку, его не кормили в доме хозяина. Подобная оплата труда чабанов была довольно широко распространена в Прибалханье, но наряду с ней существовали и другие варианты.

Окот мелкого рогатого скота происходил, как правило, в начале весны (в марте) на зимовках. Иногда в поисках сравнительно сухого и защищенного от ветров места скотоводу приходилось откочевывать от своей зимовки. Окотная кампания была самой трудной и горячей порой в жизни скотоводов. В этот период все члены семьи находились в сборе и каждый из них трудился по мере своих сил и возможностей. Очень важно было, чтобы окот прошел благополучно, без падежа молодняка. В период окотной кампании скотоводческие объединения обычно распадались. Весной, во время язлага, каждый кочевник сам пас свой скот, за исключением более зажиточных скотоводов, имевших большие стада. Затем, когда все скотоводы возвращались в свои яйлаги, муштеки вновь восстанавливались.

У туркмен-иомудов довольно широко были распространены разного рода садака¹, которые устраивались очень часто, по самым разным причинам. Так, при переходе на новое местожительство, на зимние и летние пастбища, каждое хозяйство обязательно резало жертвенного барана. Менее состоятельные семьи пекли круглые лепешки (чапады), затем приглашали несколько стариков, чтобы прочесть молитву. Садака делалась также при установлении новой кибитки и после окончания окота. В последнем случае скотоводы устраивали садака с упованием на лучшее будущее. Для садака готовили кушанье ак аш, которое представляло собой рисовую кашу, приготовленную на чистом молоке (отсюда ее название). Для этого брали однодневное молоко (бир гунки суйт) овец и засыпали рис в нужном количестве, не добавляя воды. Затем приглашали всех жителей аула. После окончания трапезы, мулла или кто-либо из стариков читал молитву, чтобы бог «принял» это угощение. Затем все присутствующие, уходя, говорили вслух: «кабул болсун» (будь принята). Аналогичные жертвенные обряды имели место и у туркмен-текинцев. Описанный выше обычай соблюдался все-

¹ Садака или худай елы — жертвоприношение богу.

ми скотоводами. Если у скотовода было мало овец и их молока было недостаточно для приготовления ак аш в таком количестве, чтобы угостить всех жителей аула, то он отдавал однодневное молоко своих овец кому-либо из одноаульцев, который готовил ак аш для совместного садака.

Для увеличения и сохранения верблюжьего стада существовал другой вид садака. После появления верблюжонка из молока верблюдицы варили и раздавали по кибиткам так называемый «овуз суйт». Сходный обычай существовал и у текинцев, которые, однако, готовили овуз суйт из коровьего молока и, бросая в чашку кусочек древесного угля, раздавали его по кибиткам. Иомуды же, если ночью приносили из одной кибитки в другую чал (напиток из верблюжьего молока), в посуду клали белую чистую палочку или соломинку.

После совершения обряда — садака (ак аш) — скотоводы откочевывали с зимовок на весенние пастбища (язлаг). Перед этим совершался другой весьма интересный обряд. Около своих кибиток на небольшом расстоянии друг от друга для каждого стада овец зажигали два костра, в которые сыпали соль. Затем между этими кострами проводили стадо вместе с ягнятами. Суеверные скотоводы считали, что этим самым они отводят от своих стад все несчастья и беды, которые не смогут после этого последовать за ними с зимних стоянок на весенние пастбища. Говорили, что «от астында бела галмаз (под огнем не останется злого духа)». В момент, когда прогоняли скот между кострами, стреляли из ружья холостыми патронами. Вслед за скотом между кострами проходили и сами скотоводы и их семьи со всем домашним имуществом, навьюченным на верблюдов.

Верблюдоводство имело не менее важное, чем овцеводство, значение в хозяйстве скотоводов Северо-Западного Туркменистана. Верблюды служили кочевникам-скотоводам основным средством передвижения, вместе с тем их мясо и молоко употребляли в пищу. Одногорбая туркменская верблюдица давала 10—15 литров молока в сутки. Процент жира в молоке достигал 4¹. Из верблюжьего молока готовили напиток (дуге чал). Верблюжья шерсть применялась для различных хозяйственных целей. Из нее изготовляли тесьмы, веревки для крепления различных частей кибитки, ткали ткань для мужских халатов и т. д. Верблюжья кожа шла на зимнюю и летнюю обувь (хам чарык, елкен и т. п.).

В прибалханских районах был наиболее распространен одногорбый верблюд породы «арвана». Самца этой породы

¹ И. И. Лакоза. Верблюдоводство. М., 1953, стр. 5.

туркмены называли «арвана-эркек», а самку — «арвананинен». Арвана — высокорослое, стройное и сильное вьючное животное, его выносливость и умение ходить под вьюком отмечал еще К. Боде, путешествовавший в 40-х годах XIX в. по Туркменской степи¹.

Одногорбый туркменский верблюд породы «арвана» отличался от двугорбого бактрианского не только внешне, большим ростом, но и выносливостью, приспособленностью к природно-климатическим условиям пустынь Туркменистана и рядом других особенностей². Поэтому его разводили, предпочитая двугорбому, не только туркмены, но и казахи³. По данным 1890 г., стоимость одного верблюда породы арвана в Мангышлакском уезде была 75—80 руб., а в других уездах области она колебалась от 35 до 60 руб., что еще раз свидетельствует о высоких качествах верблюдов этой породы⁴. Туркмены, как и все скотоводческие народы, путем скрещивания получали новые, более сильные и выносливые гибриды верблюдов. Они покупали у казахов и калмыков двугорбых бактриан, самцов, которых именовали «бугра», а самок — «эркек». От скрещивания бугра-производителя с одногорбым арвананином получали помесь «инер» (самец) и «инер-мая» (самка) или просто «мая». Инер по сравнению с чистым арваном был более выносливым и сильным животным. Его использовали в хозяйстве специально в качестве вьючного животного. Туркменская поговорка не даром гласит: «хатарда нер (инер) болса, йук ерде галмаз (если в караванном ряду имеется инер, то груз не останется на дороге)».

Верблюды, кроме того, служили предметом торговли. Они сбывались в основном в Хиву, Бухару, Азербайджан, Иран и другие страны. В 1894 г. из Красноводска было продано в Баку 1000 голов верблюдов, общей стоимостью в 39 000 руб.⁵

Кроме овец и верблюдов, население прибалханских районов разводило и некоторое количество лошадей, но эта отрасль скотоводства не имела большого хозяйственного значения. В прибалханских районах лошади были преимущественно иомудской породы и использовали их исключительно для верховой езды. Но в районах Атрека, Гургена и в Кара-Кала, где было развито земледелие, лошадь использовали также и при других сельскохозяйственных работах. В упряжи они

не применялись, так как здесь вообще не существовало упряжного транспорта (как это было в Мерве, Ахале и Хиве) ввиду особенностей ведения хозяйства и природно-географических условий Северо-Западной Туркмении.

В данной статье мы разобрали только некоторые вопросы скотоводства прибалханских туркмен конца XIX—начала XX в.; окончательно эти вопросы могут быть решены в ходе дальнейших исследований.

¹ К. К. Боде. О туркменских поколениях: ямудах и гокланах. Записки русского географического общества, кн. II, 1849, стр. 99.

² Подробно см. в книге И. И. Лакоты. Верблюдоводство. М., 1953.

³ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7769, л. 127; там же, д. 7743, л. 138, 139.

⁴ Там же, д. 7769, л. 127, д. 7768, л. 15.

⁵ Там же, л. 127.

А. Оразов

СКОТОВОДЧЕСКИЕ ОБРЯДЫ У ТУРКМЕН ДОЛИН СУМБАРА И ЧЕНДЫРА

(МАТЕРИАЛЫ К ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМУ АТЛАСУ
НАРОДОВ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА)

Среди обширной литературы по этнографии народов Средней Азии почти нет работ, специально посвященных обрядам, связанным со скотоводством¹. Между тем это одна из существенных и в то же время малоизученных форм традиционной обрядности среднеазиатских народов.

В основу статьи положены полевые материалы, собранные автором в 1966 г. в долинах горных рек Сумбара и Чендыра.

В конце XIX — начале XX в. население долин рек Сумбара и Чендыра состояло в основном из двух этнографических групп (племен) туркмен: гёкленов и нохурли. Гёклены жили в оседлых поселениях, расположенных в ущельях Чендыра и Сумбара (нижняя часть долины), нохурли — в верхней части долины Сумбара, начиная с аула Тутлы-Кала².

Главной отраслью хозяйства в этом районе было земледелие, сочетавшееся со скотоводством. По своему характеру скотоводство этих мест значительно отличалось от скотоводства степных и пустынных районов Прибалханья и Каракумов. Его скорее можно назвать отгонным, нежели кочевым. Здесь разводили овец, коз и крупный рогатый скот, а также держали в небольшом количестве лошадей, ослов и верблюдов.

Жители Верхнего Сумбара (селений Тутлы-Кала, Куруждей, Тазе-Кала, Дузлы-Депе и др.) в марте, как правило, уходили на летовки, на плоскогорья Копет-Дага. С середины апреля до конца мая там было особенно много работы в связи с уходом за молодняком и доением овец и коз. По словам информаторов, летом в селениях оставалось лишь несколько семей.

Примерно в середине августа, когда заканчивался сезон доения коз, с гор в ущелье спускались стада коз, крупного рогатого скота и лошади, в горах оставались только отары овец. С сентября овец (молодняк и маток) соединяли в одно стадо.

Жители долин Нижнего Сумбара (селения Юван-Кала, Арапджик, Нэре и др.) и Чендыра (селения Ярты-Кала, Ак, Кызыл-Ымам) летом оставались в ущельях, а на зиму уходили в горные лощины, где было теплее и легче с топливом.

Скотоводческие обряды у туркмен долин Сумбара и Чендыра были связаны с годовым скотоводческим циклом. Большинство из бытовавших до недавнего времени обрядов представляли собой магические дей-

¹ Как исключение можно назвать статью В. Н. Баилова «Хозяйство западных туркмен-ёмудов в дореволюционный период и связанные с ним обряды и верования», в кн.: «Очерки по истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана», «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. ХСVIII, Л., 1973.

² Подробнее см.: Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли. «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XXI, М., 1954, стр. 84 и др.

ствия, направленные на сохранение поголовья скота. Так, одним из широко распространенных в прошлом среди туркмен-скотоводов был обряд *алас*³ — прогон стада между двумя кострами. Этот обряд совершался после окончания окота мелкого рогатого скота перед перекочевкой с зимовки на весенние пастбища (*яз юрт, тэзе ятак*). На небольшом расстоянии один от другого зажигали два костра из сухой полыни (*ёвшан*), соломы (*селме, гараган*) и т. д. и между ними прогоняли стадо вместе с молодым скотом. Сначала пастух прогонял козлов — вожakov стада (*эркеч*), потом дети, женщины и мужчины с возгласами «гыв-гыв» гнали остальную скот. Вслед за стадом между кострами проходили хозяева скота со своими семьями и имуществом. Скотоводы верили, что с помощью этого обряда избавят себя и скот от всех болезней и бед, которые останутся на старом зимнем кочевье (*коне юрт*) и не смогут последовать за ними, так как огонь — непреодолимое препятствие для нечисти. Прогоняя животных меж костров, обычно говорили: «Пусть останутся все болезни и несчастья» (*Дерт-бела галсын*)⁴. Описанный обряд бытовал также у туркмен-скотоводов Западной Туркмении⁵. Его знали и текинцы Ахала, но под названием *топык* или *топыкдан гечирмек*⁶. Здесь костры зажигали в нескольких местах на расстоянии 7—8 м один от другого и брали в огонь гармалу (Peganum harmala, туркм. уэрлик), соль и собачий помет. Стадо прогоняли между кострами, приговаривая: «Пусть останутся все беды, пусть мир избавится от бед (*Дерди баласы галсын, дуниэ беласындан саклансын*)». В Тахтинском и Дейнауском районах лечение больных животных с помощью огня называлось *алас, учук и шутук*⁷.

Обряд *алас* совершался и с целью лечения скота от таких болезней как *мама* (оспа), *шан, тарп*⁸ (мне неизвестно, какие болезни скота так называются).

Но скотоводы знали и другие методы лечения болезней. Так, при ящуре (*агсыл*) пинцетом на языке животного делали небольшие ранки, которые затем посыпали солью.

Болезнь *шан*, вызываемую укусом клещей, лечили в основном холодной водой. Во время наибольшего распространения клещей овец гнали к холодным горным родникам; пасти их рекомендовалось на пастбищах, где было меньше зеленой травы и больше грубых кормов, или же на стерне.

От змеиного укуса лечили проколом опухоли, сформировавшейся на его месте. Прокол иглой повторяли до тех пор, пока укушенное змеей животное полностью не выздоравливало (исход не всегда был благоприятным).

Для лечения скота от болезней *тарп, шан, оспы* и др. прибегали также к помощи «святых» мест и амулетов. Когда овцы заболели, все стадо прогоняли вокруг «святого места» (так, в сел. Кизыл-Иман в долине Чендыра святыня Гарып-шехит). Затем владелец стада (*баяр баши*) устраивал жертвоприношение (*садака*), и из мяса жертвенного животного

³ Этот обряд был известен и среди узбеков. См. К. Шаниязов, Узбеки-карлуки, Ташкент, 1964, стр. 158—159.

⁴ Сведения об обряде *алас* записаны в селениях Куруждей (колхоз «Победа») и Ак (колхоз им. М. Горького) Кара-Калинского р-на Туркменской ССР. Все полевые материалы автора, использованные в статье, хранятся в его личном архиве. В дальнейшем в сносах указывается только место записи.

⁵ А. Оразов, Некоторые вопросы скотоводческого хозяйства в северо-западной Туркмении в конце XIX — нач. XX века, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VI, Ашхабад, 1962.

⁶ Записано в кочевьях Дженнег и Мамедолен (Центральные Каракумы).

⁷ С. М. Демидов, О верованиях и обычаях туркмен, связанных с огнем, сб. «Исследования по этнографии туркмен», Ашхабад, 1965, стр. 168; Способом *алас* лечили и людей узбеки-карлуки, см.: К. Шаниязов, Указ. раб., стр. 158—159.

⁸ Записано в селениях Куруждей и Ак Кара-Калинского р-на.

устраивали угощение⁹. Если начинался массовый падеж скота, у муллы брали амулет (*дога*) и на черно-белой веревочке (*ала йун*) вешали на шею самой красивой и здоровой овцы с белой или черной шерстью. Но амулет надевали на овцу не только в период эпизоотий, так как, по поверьям, он предохранял стадо от «сглаза». Поэтому в каждом стаде всегда имелась овца с амулетом (*догалы гоюн*)¹⁰. Ее, как правило, не продавали и не убивали¹¹. Обереги навешивали и на других животных (коров, лошадей, верблюдов).

Другая группа обрядов связана с окотом. Во время скота пастух мазал себя пометом новорожденных ягнят и козлят (*овлак-гузынын чэреци*)¹², что, по народным поверьям, должно было обеспечить обильный приплод. Этот обычай, называемый *ырым*, соблюдался и у скотоводов-ёмудов Западной Туркмении, где пастухи мазали пометом не только себя, но и двери юрты, загона и т. д. При совершении этого обряда они обычно говорили: «Да будет приплод богатым» (*Гойнун-гузын, хэври көп болсун, чэрелесин, көпелсин*).

В прошлом у скотоводов долин Сумбара и Чендыра во время окота (длившегося обычно до 40 дней) пастух не брил бороду и голову, что должно было способствовать благополучному окоту и сохранению приплода (*дөл өлүм-йитимсиз болсун*). Описанный обряд совершался только чабанами, а не владельцами стада. По рассказам информаторов, этот обряд соблюдается, хотя и очень редко, и в наши дни чабанами старшего поколения. При появлении приплода у коровы, верблюдицы или овцы одноаульцы высказывали пожелание хозяину: «Пусть приплод будет обильным (*Хэври көп болсун*)!». На это следовал ответ: «Пусть благословит (тебя) бог (*танры ялкасын*)!»¹³.

У туркмен долин Сумбара и Чендыра первая дойка овец и коз сопровождалась определенным обрядом. В этот день женщины приносили в своей медной посуде (*мис*) сладости (конфеты, сушеный урюк, виноград, плоды лоха-игде и др.) и ромбовидные пышки (*пишме*), которые раздавали чабанам и другим лицам, находившимся при стаде. Из молока первого надоя сбивали масло и на этом масле готовили ритуальные лепешки из пресного теста (*месге петир*), которые съедали коллективно¹⁴.

В прошлом существовал ряд обычаев, связанных с хранением молока. Так, издавна запрещалось выносить молоко из дома после захода солнца. Если же это все-таки необходимо было сделать, то посуду покрывали сверху платком или чем-нибудь другим; можно было также бросить в молоко белую палочку или соломинку. Так поступали ёмуды Западной Туркмении; текинцы Ахала вместо палочки бросали кусочек древесного угля¹⁵. Подобный обычай существовал и у других среднеазиатских народов. Памирские таджики долины Хуф, например, если вечером выносили молоко из дома, в посудину бросали небольшой уголек; при этом ее накрывали платком или тряпкой, «чтобы молоко не увидали звезды»¹⁶.

⁹ Этот обычай был известен и у западных туркмен. См. полевые материалы автора, а также С. М. Демидов, К вопросу о некоторых пережитках домусульманских обрядов и верований юго-западных туркмен, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР», т. VI, Ашхабад, 1962, стр. 197.

¹⁰ Ср.: В. Н. Б а с и л о в, О пережитках тотемизма у туркмен, «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТССР», т. VII, Ашхабад, 1963, стр. 141.

¹¹ Записано в сел. Ак Кара-Калинского р-на.

¹² Записано в сел. Ходжа Кара-Калинского р-на.

¹³ Записано в сел. Ак Кара-Калинского р-на.

¹⁴ Записано в сел. Ак. Скотоводы Ахала из молока первого надоя сбивали масло (*месге*), которое не клали в кувшин для хранения, а раздавали всем соседям небольшими порциями со словами: «Это мое жертвоприношение (*худайельм*)». Записано в кочевьях Мамедолен и Дженнет. Кроме того, когда в стаде заканчивался окот, текинцы Ахала в честь покровителя баранов пророка Мусы готовили на молоке первого удоя рисовую кашу (*гойнын мусасы*), которая считалась жертвоприношением (*ак аш*) проку.

¹⁵ Записано в сел. Гарадашяк (колхоз «40 лет ТССР») Ашхабадского р-на.

¹⁶ М. С. А н д р е е в, Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1959, стр. 120.

Молоко коровы или верблюдицы первого удоя после появления приплода, называвшееся *овуз суйт*, кипятили в казане, бросив в него кусочек древесного угля, затем раздавали по соседним кибиткам, при этом в чашку опять бросали маленький кусочек угля, чтобы предохранить отелившееся животное от «сглаза»¹⁷. Интересно отметить, что верблюжье молоко, как правило, употреблялось в некипяченом виде (кипятили лишь *овуз суйт*)¹⁸. Раздача соседям «первого молока» рассматривалась как жертвоприношение покровителю крупного рогатого скота (Зенги-баба) и покровителю верблюдов (Вейс-баба). К «пирам» животных возносили молитвы и в случае падежа или болезни скота, при различных затруднениях, а затем в знак благодарности приносили за поможь жертву.

До недавнего времени сохранялось и ритуальное значение посоха чабана. С помощью посоха чабан пас скот и защищался от хищных зверей. Изготавливался он обычно из легкой и прочной древесины ивы: в долине Сумбара в сел. Куруждей — из кизильника (*йилчай, йыргай*), а в долине Чендыра (селение Ак) — из каркаса кавказского (*тагдан, тагдаган*)¹⁹. Для того чтобы придать палке желаемую форму (с изгибом на одном конце), ее держали несколько дней в воде или мокрой глине. Длина посоха должна быть такой, чтобы пастух, стоя, мог на него облокотиться.

Форма посоха была установлена обычаем. Считалось, что животное может умереть, если пастух бросит в него посох, не имеющий изгиба, и попадет в живот. Изгиб смягчал удар. В случае, если овца погибала от удара посохом без изгиба, чабан обязан был возместить нанесенный владельцу стада ущерб. Если же животное умерло от удара посохом с изгибом, пастух не нес ответственности за его смерть²⁰.

Посох давался пастуху, как правило, владельцем стада при его найме. При этом хозяин стада смазывал посох бараньим жиром, чтобы овцы, по старинному поверью, были жирными и упитанными²¹. Когда хозяин нанимал нового чабана, односельчане, поздравляя его, говорили: «Чопанын таягы душсин» (Пусть посох чабана принесет удачу). Если чабан уходил с работы, у него отбирали посох. Для того чтобы выгнать чабана, хозяину достаточно было сказать ему: «Бросай палку».

Как и у западных групп туркмен, у гёкленов и нохурлинцев существовал в прошлом обычай, связанный с охраной стада от волков. Когда в непогоду стадо разбегалось, пастух «связывал» пасти волков с помощью заклинания (*гурдың, агзыны багламак*), во время произнесения которого чабан вынимал нож из ножен, а по окончании вкладывал его обратно. Если нож у пастуха был без ножен, он втыкал его в землю. По поверью, после совершения обряда с ножом волк не мог раскрыть пасти. Поэтому через определенное время полагалось снять заклятие и «открыть» пасть волка²². Такой же обычай существовал и у памирских таджиков долины Хуф²³, хотя способ заклинания был другим.

¹⁷ Этот обычай отмечен у туркмен-ёмудов Западной Туркмении. См.: А. О р а з о в, Указ. раб., стр. 301. В Ахале (Ашхабадско-Бахарденский р-н) обычно из верблюжьего молока первого удоя после долгого кипячения получали густую массу *гойлутмак*, которую раздавали односельчанам; при этом в посуду обязательно бросали кусочек древесного угля. Гойлутмак готовили и из молока коровы от второго и третьего удоя после отела. Записано в сел. Гарадашаяк, колхоз «40 лет СССР» Ашхабадского р-на.

¹⁸ По этому поводу в народе говорили: «Верблюжье молоко (уже) кипяченое, шерсть (уже) окрашенная (*дурэний, суйди биширилги, йүни ренкленилги*)». Молоко верблюдицы употреблялось также для приготовления горячей пищи (рисовой каши, молочной лапши и т. д.).

¹⁹ См. В. В. Никитин, Б. Б. Кербабаев, Туркменские народные и научные названия растений, Ашхабад, 1962, стр. 14, 16, 22, 32.

²⁰ Записано в селениях Куруждей и Ак Кара-Калинского р-на.

²¹ Записано в сел. Ак Кара-Калинского р-на.

²² Записано в сел. Куруждей Кара-Калинского р-на.

²³ М. С. Андреев, Указ. раб., стр. 129—130.

Нами зафиксирован также обряд, связанный со стрижкой овец. После стрижки овец обливали водой, в которой стригали мыли руки. Этот обряд должен был способствовать выпадению обильных дождей и богатому травостою. При этом говорили: «Пусть идет дождь, пусть будет трава» (*ягын ягсын, от болсун*)²⁴. Описанный обряд бытовал и у скотоводов-ёмудов Западной Туркмении²⁵ и Ахала²⁶.

У скотоводов долин Сумбара и Чендыра существовало поверье, что если овца во время стрижки унесет зубами шерсть, то год будет дождливым. В этих местах был хорошо известен обычай обращаться с молитвами к «хозяину» дождя Буркут-баба и в его честь резать козла, чтобы вызвать дождь²⁷.

Отношение к овцам у туркмен долин Сумбара и Чендыра, как и в других местах, носило оттенок почиттельности. Были распространены выражения: «Баран — как Коран»²⁸, «баран — святое животное»²⁹. «Святость» (*керамат*) овец объяснялась по-разному. В частности, старики ссылались на то, что «баран — жертва богу», начиная с того самого дня, когда Ибрагиму для заклания был сброшен с неба баран; что у овец «сильный» покровитель — святой пророк Муса³⁰, что овцы «по своему нраву, по смиренности ближе всего к богу». «Все животные могут защищаться, а баран — нет. Он ласковый и тихий, дитя бога»³¹.

«Святость» баранов проявляется будто бы в том, что их боятся злые духи (джин-арвах) и пастух может спокойно спать среди стада, не опасаясь козней духов³². Кроме того, если человек семь лет пасет баранов и не пренебрегает религиозными предписаниями, то ему во сне является святой Хыдыр-Ильяс (Хыдыр) и выражает свое удовлетворение поведением пастуха. После этого у пастуха появляется «святость» (*керамат*), и если он теряет баранов, то святой во сне указывает, где они, а если кто-то замышляет плохое против чабана, то пастух узнает об этом и предпринимает нужные для своей защиты меры³³.

Автор не считает, что материал по скотоводческой обрядности у туркмен долин Сумбара и Чендыра собран полностью; очевидно, работу эту еще надо продолжать. Однако некоторые предварительные выводы сделать уже можно.

Прежде всего не обнаруживается заметной разницы в скотоводческой обрядности между этнографическими группами гёкленов и нохурли, имеющих некоторые отличия в других сферах традиционной культуры. Много общего имеет она и с обрядностью других групп туркмен, и даже с обрядностью других народов, что может оказаться важным при дальнейшей разработке проблем этногенеза.

Рассмотренные обряды и поверья связаны со скотоводством, которое в течение многих веков было у многих народов основной отраслью хозяйства. Можно предположить, что у скотоводческих по преимуществу народов эти обряды должны были бы составить более или менее целостную систему, развитый культ (наподобие аграрных культов), хотя и искаженно, но отразивший насущные жизненные заботы земледельцев. Между тем приведенный материал показывает, что количество скотоводческих обрядов у туркмен невелико и они не связаны между собой. Весьма примитивны они по существу: прогон скота между кострами, «завязыва-

²⁴ Записано в сел. Ак. Кара-Калинского р-на.

²⁵ См. А. О р а з о в, Указ. раб., стр. 299.

²⁶ Записано в кочевье Дженнет.

²⁷ Подробнее см. В. Н. Б а с и л о в, О туркменском «пире» дождя Буркут-баба, «Сов. этнография», 1963, № 3, стр. 42—52.

²⁸ Записано в сел. Кызыл-Имам Кара-Калинского р-на.

²⁹ Записано в сел. Тутлы-Кала Кара-Калинского р-на.

³⁰ Записано в сел. Дузлы-Тепе и Тутлы-Кала Кара-Калинского р-на.

³¹ Записано в г. Кара-Кала. Поверье о том, что овца — чистое и священное животное, отмечено и у таджиков долины Хуф. См. М. С. А н д р е е в, Указ. раб., стр. 127.

³² Записано в сел. Тутлы-Кала и г. Кара-Кала.

³³ Записано в селении Кызыл-Имам и г. Кара-Кала.

ние» пасти волка и т. п. Персонажей мусульманских святых, каким бы ни было их происхождение, мы встречаем лишь в облике покровителей различных видов животных. Да при эпизоотиях скот обгоняли вокруг могил популярных местных святых. Покровителям (пирам) животных приносят лишь жертву «первинок» и благодарственные жертвы за помощь, оказанную после просьб, обращенных к ним. Из разных «пиров» не сложился единый «скотий бог». Кроме того, из специфически скотоводческой религиозной практики следует исключить жертвоприношения святому Зенги-баба («пиру» коров), ибо разведение крупного рогатого скота связано не с кочевым и полукочевым образом жизни, а с оседлым, основанным на земледелии. «Хозяин» дождя Беркут-баба, популярный у туркмен-скотоводов, по своему происхождению тоже древний персонаж аграрного культа³⁴.

Бедность скотоводческой обрядности туркмен не может объясняться упадком скотоводства. Хотя в хозяйстве туркмен земледелие (особенно со второй половины прошлого века) приобрело значительную роль, разведение скота все же продолжало оставаться одним из главных занятий туркмен. Именно с ним были связаны многие яркие и своеобразные черты традиционного народного быта. Почему же скотоводческие обряды туркмен не предстают перед нами в виде единого развитого культа? Означает ли это, что у скотоводов не сложился и не мог сложиться культ, отражающий специфику их хозяйства? Заметим, к слову, что С. А. Токаревым в его перечне ранних форм религии не выделен скотоводческий культ³⁵. Если да, то почему? А если такой культ был, чем вызвано его быстрое разложение? Не связано ли это с какими-то особенностями прежней социальной организации скотоводческих народов? Почему пережитки аграрных культов держатся в быту прочнее, чем остатки скотоводческого культа?

Эти вопросы неизбежно возникают при рассмотрении изложенного материала. Они будут, видимо, в той или иной степени занимать исследователей, изучающих скотоводческую обрядность и у других народов. Дать ответ на них невозможно, основываясь на фактах, полученных лишь у одного народа. Только анализ широкого сравнительного материала позволит внести ясность в проблему скотоводческой обрядности. Но материала накоплено еще очень мало. До сих пор, например, совершенно отсутствуют сведения о скотоводческих ритуалах у целого ряда этнографических групп туркмен. Сбор этого материала, нужного и для историко-этнографического атласа народов Средней Азии и Казахстана, остается непременным условием изучения скотоводческой обрядности в плане теоретического религиоведения.

³⁴ См. В. Н. Басилов, *Культы святых в исламе*, М., 1970, стр. 16 и др.

³⁵ См. С. А. Токарев, *Ранние формы религии и их развитие*, М., 1964, стр. 236 и др.